

— Ты что, затаил на меня обиду?

Юнь Бинжун был вторым старшим учеником школы, и в прошлой жизни Вэнь Цань немало с ним общался. В отличие от отстранённого и холодного Лин Цинцзюня, Юнь Бинжун отличался мягким нравом, и ладить с ним было куда проще, поэтому у Вэнь Цаня о нём сложилось вполне неплохое впечатление.

Вэнь Су с помрачневшим лицом прикрикнул:

— Что за шум? Разве не видишь, что к нам пожаловали старшие ученики из ордена? На кого ты похож?

Эти слова явно предназначались Вэнь Цаню.

Стоило Вэнь Цаню увидеть отца, как застывшая на губах улыбка тут же погасла. Такое выражение безразличия на лице отца он в прошлой жизни видел бесчисленное количество раз. Впрочем, нынешний Вэнь Цань был уже совсем не тем, что прежде.

Отбросив прочь тяжёлые мысли, он невозмутимо выдавил из себя улыбку:

— Отец, у вас там на крыше черепица треснула, я решил починить, чтобы, если вдруг дождь пойдёт, вас не залило.

Вэнь Цань поднял руку, в которой всё ещё сжимал ту самую черепицу.

Услышав это, Вэнь Су помрачнел ещё сильнее:

— Что за бред ты несёшь? Проваливай отсюда!

Стоявший рядом Юнь Бинжун всё это время наблюдал за Вэнь Цанем, а затем внезапно опустил взгляд и едва заметно усмехнулся.

Заметив, что Вэнь Цань не сводит глаз с гостя, Вэнь Цзыюй, решив, что брат просто не знает, кто перед ним, нахмурился и холодно произнёс:

— Это Юнь Бинжун, второй старший ученик под началом достойного Пин Цана, главы ордена Цинсюань. Почему до сих пор не поклонился?

— Я — Юнь Ае, в миру Юнь Бинжун, — словно заметив, что Вэнь Цань чем-то отличается от остальных, Юнь Бинжун поднял руку, отпуская своего младшего ученика, и спросил: — Это и есть второй молодой господин семьи Вэнь, Вэнь Ицзюнь?

— Мой непутёвый сын повёл себя грубо, прошу прощения, что вам пришлось стать свидетелем этого позора, — Вэнь Су с явным отвращением бросил взгляд на сына, а затем натянуто

улыбнулся гостю.

Юнь Бинжун окинул Вэнь Цаня внимательным взглядом и рассмеялся:

— Что вы, второй молодой господин Вэнь — человек талантливый и статный. Это мой младший соученик повёл себя неразумно и побеспокоил вас. Шу Чэн, немедленно извинись перед молодым господином.

Ученик по имени Шу Чэн, сжимая в руке рукоять меча, неохотно склонился перед Вэнь Цанем:

— Второй молодой господин Вэнь, прошу прощения за мою недавнюю дерзость.

— Нет-нет, это я был неосторожен, виноват, — смутившись под тяжёлым взглядом отца, Вэнь Цань поспешно ответил поклоном.

Вэнь Су перевёл дух, взял себя в руки и сложил ладони в приветственном жесте:

— Благодарю достопочтенных наставников горы Цинсюань за то, что не забыли нашу семью. Мой сын бездарен, приношу извинения за причинённые неудобства. Мы обязательно явимся на церемонию принятия новых учеников — это наш долг перед орденом, будьте уверены.

— Глава семьи Вэнь очень любезен. Что ж, буду ждать молодого господина на горе Цинсюань.

Глядя на то, как вежливо и утончённо Юнь Бинжун отвечает на приветствие — точь-в-точь как при их первой встрече в прошлой жизни, — Вэнь Цань наконец вспомнил, зачем тот прибыл.

Принятие новых учеников... Это же то самое время, когда в прошлой жизни он должен был отправиться на гору Цинсюань.

Орден Цинсюань считался сильнейшей школой совершенствования, а тот факт, что среди их наставников был бессмертный Ли Хуай, давно вознёсшийся на небеса, делал их недостижимыми для остальных кланов. Все семьи мечтали отправить своих детей учиться туда, чтобы прославить свой род. Каждые четыре года орден принимал группу учеников из знатных семей. Обучение длилось четыре года, после чего каждый мог либо остаться в ордене, либо вернуться домой.

Однако в прошлой жизни Вэнь Цань не дождался окончания срока — его окружили и затравили те самые праведники, которые жаждали заполучить его секреты.

Вэнь Цань скривил губы. Обычно Цинсюань просто присылали письмо с уведомлением. Раз уж сам второй старший ученик Юнь Бинжун спустился с горы, значит, дело куда серьёзнее. Похоже, его старший брат Юнь Лянь не приехал.

При мысли о Юнь Ляне выражение лица Вэнь Цаня стало сложным. Он не знал, какую маску

надеть, чтобы выразить всё то, что чувствовал после перерождения.

Юнь Бинжун, заметив перемену в лице юноши, спросил:

— Кстати, второй молодой господин тоже примет участие, верно?

Вэнь Цань, внезапно оказавшись в центре внимания, растерянно указал на себя:

— Я?

Неужели он шутит? Но Юнь Бинжун выглядел предельно серьёзным:

— Именно так. Второй молодой господин обладает острым умом, почему бы вам не расширить свой кругозор? Гора Цинсюань открывает свои врата лишь раз в четыре года, не упустите такой шанс.

Услышав это, не только Вэнь Цань, но и все присутствующие замерли в замешательстве. Кто же не знал, что второй господин Вэнь — никчёмный слабак, который даже меч толком в руках держать не умеет? Среди молодых господ он занимал последнее место, в отличие от старшего брата Вэнь Хао, с которым его сравнивать было всё равно что небо с землёй. Какое там обучение — он бы даже на гору подняться не смог, выбившись из сил на полпути. Если он отправится в Цинсюань, то лишь опозорит семью Вэнь перед всеми кланами.

Вэнь Су уже хотел отмахнуться, отказываясь от предложения, а Вэнь Цзыюй едва не выпалил, чтобы брат не позорился, но Вэнь Цань, сложив руки за спиной, не спеша ответил:

— Хорошо.

Если он не согласится, то как ещё увидит это бесстрастное лицо Юнь Ляня?

— Договорились. Увидимся пятнадцатого числа четвёртого месяца на горе Цинсюань, — Юнь Бинжун, словно боясь, что кто-то передумает, поклонился Вэнь Су: — Глава семьи Вэнь, благодарю за гостеприимство, мы вынуждены откланяться.

— Счастливого пути.

Они ушли так же быстро, как и появились. Отряд учеников взмыл в небо на мечях, и вскоре сине-белые силуэты растворились в облаках.

Этой же ночью Вэнь Цаня вызвали в кабинет главы семьи.

Будь он прежним Вэнь Цанем, сердце бы сейчас колотилось от страха: он гадал бы, в чём провинился и какое наказание его ждёт — плети, палки или, может, его снова подвешат во дворе, чтобы освежить память? Но нынешнему Вэнь Цаню было уже всё равно. Человек,

который однажды умер, уже ничего не боится. Он не был сыном семьи Вэнь — не был раньше, и уж точно не будет в будущем.

В кабинете горели свечи — их было так много, что казалось, будто внутри светлее, чем днём. У Вэнь Су была привычка никогда не гасить свет в кабинете; в какое бы время Вэнь Цань ни входил, там всегда горела хотя бы одна свеча, словно отец кого-то ждал.

Дверь была приоткрыта. Вэнь Цань машинально постучал, но ответа не последовало, и он вошёл сам.

— Отец...

Это слово прозвучало неловко, с запинкой. Вэнь Цань поразился тому, как давно он не обращался так к этому человеку.

— Встань на колени.

Мужчина, стоявший спиной к нему перед картиной, не обернулся. Его взгляд был прикован к изящному женскому силуэту на полотне. Вэнь Цань удивлённо поднял глаза, переводя взгляд с широкой спины отца на улыбающуюся красавицу на картине, и почувствовал, как внутри всё обрывается.

Увидев, что Вэнь Цань не двигается, Вэнь Су обернулся и рявкнул:

— На колени! Поклонись своей матери!

Вэнь Цань опустился на пол, не говоря ни слова, и трижды ударился лбом о землю. Поднимаясь, он краем глаза заметил подпись в углу картины, выведенную размашистым почерком: Любимой жене Жуань Хэн.

Вэнь Су погладил полотно и пробормотал:

— Вэнь Цань, ты ведь всегда затаивал на меня обиду? Обижался, что я относился к тебе не так, как к Цзыюю?

Вэнь Цань выпрямил спину и стиснул зубы:

— Нет.

— Нет? — Вэнь Су, казалось, не поверил. Он развернулся и взгляделся в лицо сына. — Как ты можешь не ненавидеть меня? Ты должен меня ненавидеть. В глубине души ты меня презираешь.

Вэнь Цань опустил глаза, промолчав. Он не знал, что ответить. Сказать, что ненавидит? После двух прожитых жизней всё это казалось бессмысленным. Сказать, что не ненавидит? Это была бы ложь.

— Ты ведь всегда хотел спросить, почему я так тебя не люблю? — Вэнь Су помолчал, а затем поднял руку, чтобы помочь ему встать. — На самом деле ты всегда знал ответ, просто не хотел в это верить.

Вэнь Цань отстранился от его руки. От долгого стояния на коленях ноги подкашивались.

Вся семья Вэнь знала, что Вэнь Цань родился проклятым, погубив при рождении свою мать, поэтому отец и брат всегда относились к нему с нескрываемой враждебностью. Чужаки не понимали, почему Вэнь Цзыюй купается в лучах славы, становясь гордостью клана, а Вэнь Цань — лишь никчёмный отброс, вечно валяющийся в грязи. Только сам Вэнь Цань знал, что само его рождение было ошибкой.

Он крепко сжал края одежды, храня молчание. В прошлой жизни он ненавидел отца больше десяти лет, и даже когда его выгнали из дома, он не склонил головы, чтобы спросить о причине. Сейчас же он вовсе не знал, стоит ли спрашивать.

Мужчина долго молчал, наконец взял со стола жетон семьи Вэнь и протянул его сыну:

— Возьми. Отправишься на испытание новых учеников вместе с Цзыюем. Путь до Цинсюаня неблизкий, посмотришь мир. А то вечно мельтешишь у меня перед глазами, только раздражаешь.

Понимая, что отец переводит тему, Вэнь Цань насмешливо изогнул губы и принял жетон. На маленькой пластине красовался чёрный журавль — символ прямого наследника семьи Вэнь. Вэнь Цань давно с завистью смотрел на такой же жетон у брата, но мог лишь мечтать. В прошлой жизни он получил его перед самым отъездом, но так никогда и не воспользовался.

— Ступай. Я не жду от тебя великих свершений, просто не позорь нашу семью, — Вэнь Су махнул рукой, отпуская его.

За дверью Вэнь Цзыюй, прислонившись к платану, ждал его. Увидев брата, он отвернулся с недовольным видом.

— Старший брат, — негромко позвал Вэнь Цань. Поняв, что тот подслушивал, он добавил: — Ты всё слышал.

Вэнь Цзыюй бросил на него гневный взгляд, его густые брови сошлись на переносице:

— Не думай, что, получив жетон, ты стал мне братом. Вэнь Ицзюнь, ты этого не заслуживаешь.

Вэнь Цаня никогда не пугали угрозы — ни в прошлой жизни, ни сейчас. Даже когда его окружили в Долине Скелетов и он знал, что умрёт, он не дрогнул. В этой жизни он боялся лишь двоих: своего старшего соученика Юнь Ляня, чьё лицо всегда казалось ему каменной маской, и своего брата Вэнь Цзыюя. К Юнь Ляню он испытывал страх, а к Вэнь Цзыюю — вину. Вину за то, что из-за его появления на свет идеальный наследник семьи лишился всего и всю жизнь терпел насмешки.

Вэнь Цзыюй, унаследовавший гордый и властный нрав отца, не выдержал:

— Думаешь, я не знаю, почему ты ввязываешься в драки? Какое право ты имеешь драться? Какое право ты имеешь позорить имя нашей семьи? Разве они не правы? Разве не ты погубил мать? Разве ты не проклятие нашего рода?

Вэнь Цань поднял глаза. После суматошного дня он почти забыл, что рана на спине до сих пор кровоточит. Вэнь Цзыюй был прав — у него не было права драться. Вчера он бросился в драку лишь потому, что кто-то назвал его безотцовщиной и обвинил в смерти матери. В семнадцать лет Вэнь Цань был горяч и мог ответить лишь кулаками.

— Я не дрался от имени семьи Вэнь. Иначе вчерашний противник был бы уже мёртв.

Будучи лишённым духовных сил, он дрался как дикий зверь, используя самые грязные приёмы, и именно поэтому его удары были такими жестокими. Тот юноша, что был выше его на голову, лишился руки.

Вэнь Цзыюй холодно фыркнул, посчитав слова брата пустым бахвальством:

— Вместо того чтобы болтать, лучше бы занялся совершенствованием. А то приедешь на гору Цинсюань, тебя там избыют до полусмерти, и ты опозоришь мой род. Тогда я тебя спасти не стану.

— Благодарю за заботу, старший брат. Я не опозорю семью.

Вэнь Цань сжал жетон в ладони, слегка кивнул и, не говоря больше ни слова, прошёл мимо Вэнь Цзыюя, широким шагом направляясь прочь.

В прошлой жизни Вэнь Цань владел древним свитком и мечом, призывающим нечисть, чем внушил ужас всем кланам, которые прозвали его демоном. В итоге он погиб в Долине Скелетов, окружённый врагами, и лишь тот самый соученик, которого он когда-то презирал, предал его тело земле.

В этот раз он пройдёт тот же путь. Но теперь он сделает это иначе.